

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТАЙНЫ
СЕНЬКИ ЛУНЁВА

ПОСЫЛКА для ПОКОЙНИКА

РУСЛАН АСТЕРОВ

Руслан Астеров

Посылка для покойника

«Автор»

2026

Астеров Р.

Посылка для покойника / Р. Астеров — «Автор», 2026

Петербург, 1899 год. В окне пустой квартиры Сенька Лунёв замечает человека. Ничего необычного — только хозяин квартиры умер ещё зимой. На следующий день покойнику приносят посылку. Вскоре она исчезает, а с Сенькиного отца, дворника, требуют тридцать рублей за чужую пропажу. Сенька решает найти посылку сам. Ему предстоит обойти знакомые дворы, поспорить с незнакомым посыльным и вместе с соседкой Надей проверить историю, в которой слишком многое сходится. А вечером в тёмном окне снова появляется фигура. Первая история о Сеньке Лунёве: приключение, юмор и временами жуть на петербургских лестницах.

© Астеров Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Человек в пустой квартире	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Руслан Астеров

Посылка для покойника

Глава 1. Человек в пустой квартире

За дверью восьмой квартиры кто-то ходил.

Сенька остановился. Большой свёрток сползал с локтя, маленький застрял под мышкой, а лестница была такая узкая, что для поворота пришлось бы сперва переставить ноги.

За дверью скрипнула половица.

Потом другая.

Восьмая стояла пустая с февраля. Сенька сам помогал отцу выносить оттуда сухие цветы и держал лестницу, когда снимали карниз. Под шкафом тогда нашлись медная пуговица и вишнёвая косточка. Пуговицу забрал управляющий. Косточка осталась Сеньке, но он её потерял.

Теперь в квартире шли к двери.

Он прижал свёртки покрепче и сделал полшага назад. На карточке «Квартира сдаётся» загнулся угол. Ключ в замке не повернулся.

Сенька наклонился к щели.

За спиной затрещала задвижка.

— Семён! Ты опять лестницы меряешь?

Белова высунулась из шестой. Дужка очков у неё была обмотана чёрной ниткой, и Сенька всякий раз думал, что очки вот-вот переломятся именно тогда, когда она будет смотреть на него.

— Вам наволочку.

— Так чего стоишь? Вноси.

Он протиснулся в прихожую, положил большой свёрток на сундук, маленький отдал. Из кухни пахло капустой. Белова развернула ткань и поднесла к лампе.

Сенька остался у двери.

— У Вельского работают?

— Может, квартиру показывают.

— А вы слышали?

— Что?

— Как ходят.

Белова отложила наволочку, прислушалась. За стеной звякнула посуда.

— Я слышу, как у меня молоко убегает.

Она исчезла в кухне. Сенька осторожно отворил дверь на лестницу. Восьмая молчала.

Вернувшись, Белова сунула в наволочку руку до самого угла.

— Хорошо сшито. Матери передай. И ещё отцу: завтра письма в свёртке на полке оставляю. Переплётчик обещал забрать для папки. Если до обеда не зайдёт, сама возьму обратно.

— На какой полке?

— В дворницкой, на какой ещё. Не на твоём Петербурге.

— Я его пока не кончил.

— Успеешь. Он без тебя давно стоит.

Сенька забрал свёрток с сундука. Выйдя, ещё немного постоял перед восьмой. Ничего. Только возле притолоки крутилась на паутинке пылинка.

Можно было постучать.

Он уже освободил правую руку, когда снизу сказали:

— С бельём! Либо иди, либо дай пройти.

На лестницу поднималась кухарка с ведром. Сенька отступил к перилам, пропустил её и пошёл к Орловой. Мать велела доставить работу до темноты. До темноты оставалось как раз столько, чтобы нигде не задерживаться, — если не считать уже потраченного.

В одиннадцатую вели две лестницы. По парадной — широко и далеко, по дворовой — близко, зато на повороте стоял ящик с досками. Сенька знал про ящик. Он вообще знал их дом лучше городского училища, хотя учитель арифметики отчего-то этим не гордился.

Отец Сеньки, Егор Андреевич Лунёв, служил здесь дворником; мать шила на заказ. Двенадцать лет жизни при доме научили Сеньку обходить ведро, прежде чем его поставят посреди ступенек, и узнавать по стуку утюга, стоит ли сейчас обращаться к Прасковье Михайловне Орловой.

Сегодня утюг молчал.

Сенька боком протиснулся мимо ящика. Бумага зацепилась за гвоздь и хрустнула.

Он замер.

В дырке белел воротничок.

Ещё утром мать гладила его, держа перед собой, будто тот был сделан из стекла. Сенька прикрыл разрыв ладонью. Если принести гладкой стороной вперёд, Орлова развернёт сама. Тогда, может быть, и не спросит, где порвал.

За спиной кашлянули.

Человек в клетчатом жилете нёс деревянную раму. На большом пальце у него белел пластырь.

— Пролезешь?

Сенька вжался в стену. Рама прошла у него над головой, задела паутину. Человек посмотрел на дырку в свёртке, потом на ящик.

— Всё ещё торчит, — сказал он и придавил гвоздь торцом планки.

Гвоздь согнулся.

— Вы из восьмой? — спросил Сенька.

— А тебе туда?

— Мне к Орловой.

— Ну, так и ступай.

На одиннадцатой двери болтался шнурок вместо звонка. Сенька дёрнул, подождал и дёрнул ещё раз.

— Слышу! — отозвалась Орлова. — Чай не на улице.

Он вошёл и положил свёрток дыркой кверху. Орлова сидела за столом, заваленным лоскутами. Возле локтя остывал утюг.

— Гвоздь, — сказал Сенька прежде, чем она успела спросить.

— Где?

— На лестнице. Я зацепил. Там теперь загнули.

Орлова отогнула бумагу, осмотрела воротничок.

— Цело. Ну-ка поддержи край.

Она вынула остальное. Сенька держал бумагу натянутой и смотрел, как её пальцы перебирают материну работу. Наконец Орлова кивнула.

— Всё. На стул положи. Кошку сперва сгони.

На стуле лежало чёрное пальто.

Сенька потрогал рукав.

— Эту?

Орлова подняла голову и засмеялась так, что уронила на колени ножницы.

— Господи, дошила. Настоящая под печкой. Пальто не царапается, клади сверху.

Под печкой в самом деле горели два глаза. На Сеньку посмотрели без всякого одобрения.

Он положил бумагу и оглядел комнату. У дальнего окна стоял тёмный сюртук на деревянной стойке. Белый воротник поднимался высоко, а над ним ничего не было. Сенька отвёл глаза. Не любил он этих стоек: платье без человека ещё куда ни шло, но сюртук будто забыл где-то голову.

Орлова сняла с него воротник, поднесла к свету, затем снова пристроила на место. Лампа стояла возле окна; от неё на стекле расплывалось жёлтое пятно.

— У вас отсюда весь двор виден, — сказал Сенька.

— Зато снизу ко мне ноги не несут. Хотят, чтоб я к ним носила.

— Я бы отсюда план рисовал.

— Рисуй, как повырастешь. Сейчас домой ступай, мать ждёт.

Она отсчитала плату, завернула в клочок бумаги и подала ему вместе с запиской.

— Остальное ко вторнику пришлю. Не завтра.

— Ко вторнику.

— И не потеряй.

Сенька спрятал деньги во внутренний карман. Рядом лежала его собственная бумажка с ценой циркуля. Он нащупал её пальцем и убрал руку.

У двери оглянулся. Орлова переставила лампу ближе к работе, и белый воротник снова выступил из темноты.

Во дворе зажгли фонарь.

Отец стоял на стремянке у ворот. Сенька хотел отдать ему пустую обёртку на растопку, но у водосточной трубы поднял голову.

В окне восьмой стоял человек.

Сенька сразу узнал высокую белую полоску. Так носил воротничок Николай Петрович Вельский, когда выходил на крыльцо и подолгу натягивал перчатки. Только сейчас ни лица, ни волос видно не было. Тёмные плечи и белое над ними.

Сенька перестал дышать.

Фигура не двигалась.

Он ждал, что она наклонится к стеклу. Тогда покажется лицо. Он хотел увидеть лицо и вместе с тем совсем не хотел.

Белый край потускнел.

Сенька отступил и пяткой налетел на ведро. Оно загрохотало по камням.

— Сенья! — Отец обернулся, держась за дверцу фонаря. — Ведро-то зачем?

— В окне.

— Что в окне?

Сенька показал.

Отец посмотрел, стоя на стремянке.

— Ничего.

Сенька шагнул к нему. Восьмая почернела целиком. Он бросился обратно к трубе — и снова увидел узкую белую черту.

— Вот отсюда! Иди сюда!

— Со стеклом дай управиться.

Варке показалась Надя Корсакова с пустым кувшином. Она жила в четвёртой, была Сенькина ровесница и умела одним вопросом испортить ему хорошее объяснение.

— Чего кричишь?

— Там человек.

Надя посмотрела на отца, потом на окно.

— Где?

— Восьмая. Второе от арки.

— Там темно.

— К трубе подойди.

Она поставила кувшин возле стены, обошла ведро. Сенька посторонился.

Окно было пустое.

Он вернулся туда, где стоял. Ничего.

Сверху донёсся голос Орловой — она кого-то окликнула из своей комнаты. Во дворе хлопнула дверь.

Надя поднялась на носки.

— Может, в соседнем?

— Я все окна здесь знаю.

— Тогда покажи, которое изнутри у Беловой.

— Шестая, вон. Только я не про Белову.

— У неё другое окно.

— Это со стороны лестницы другое!

Надя хотела возразить, но он схватился за водосточную трубу и поставил ногу на скобу.

— Сеня, слезь, — сказал отец.

— Я на одну.

— Скоба из стены идёт.

Под башмаком шевельнулось железо. Сенька спрыгнул. Отец уже сошёл со стремянки и смотрел на верхнее окно. Белой полосы не было.

— Ты сам видел, как он подошёл? — спросила Надя.

— Он уже стоял.

Она обошла трубу, заглянула из-за Сенькиного плеча, потом вернулась.

— Я завтра сверху посмотрю, — сказала она. — С нашей лестницы.

— С вашей не видно.

— Вот и проверю.

Сенька хотел объяснить ей расположение корпусов. Получилось бы долго, а она уже взяла кувшин. Отец подал ему обёртку, которую он всё это время мял в кулаке.

— Матери деньги отнёс?

Сенька вспомнил про деньги.

— Сейчас.

— Завтра у Антона Петровича спрошу, кто квартиру смотрел. Если ещё увидишь, зови. Только ведро сперва поставь.

Сенька поднял ведро, приставил к стене. Надя пошла к воде, оглядываясь на восьмую. Он тоже оглянулся.

Теперь даже нельзя было показать, где именно кончались плечи.

Мать ждала в дворницкой, раскладывая на столе рукав.

— Я уж думала, Орлова тебя себе оставила. Садись, будешь намётывать.

— У неё пальто вместо кошки.

Марья Сергеевна подняла голову.

Сенька рассказал, и мать засмеялась. Он положил деньги и записку на свободный край стола, потянул из-под рукава свою тетрадь. На обложке остался кусочек нитки.

— Руки помой, — сказала мать. — Потом свои дома раскладывай.

Пока он умывался, пришёл отец. Сенька передал ему просьбу Беловой про письма. Отец кивнул, достал хлеб. Мать пересчитала плату, убрала записку Орловой под игольник и начала освобождать место для еды.

— Что ты там увидел? — спросила она.

— В окне восьмой человек был. Белый воротничок.

Егор опустил ковш в ведро.

— Николай Петрович там, бывало, сидел, — сказал он.

Мать посмотрела на отца.

— Зачем ты ему ещё...

— Я и сам помню, — быстро сказал Сенька.

Отец присел, стягивая сапог.

— Люди квартиру смотрели. Ключ дают для показа.

— В темноте?

— Завтра спрошу.

Сенька подвинул миску. В сенях кто-то протащил метлу по полу, и он обернулся прежде, чем успел подумать.

Мать поставила перед ним хлеб.

За ужином отец говорил про уголь, который привезут утром; мать вспомнила чернила для училища. Сенька спросил, нельзя ли пока обойтись старыми, и получил баночку: на дне поблёскивало столько, что даже самому спорить расхотелось.

После еды он разложил план двора.

На первом листе крупно стояло: «Весь Петербург». Пока удалось нарисовать два двора и кусок переулка. Булочная никак не помещалась рядом с прачечной. Сенька уменьшил её ещё немного. Булки у булочника и без того были небольшие, мог бы и сам потесниться.

На свободном углу оставалось место для Невы. Сенька заранее провёл там две длинные черты, чтобы город не разросся раньше реки. Между чертами стояла миска, которую мать ещё не убрала.

— У тебя вода в воде, — сказал отец.

Сенька переставил миску.

— Это Нева.

— Я понял. Суп-то не разлей.

Марья протянула руку за ложками. Сенька подержал карту, пока она вытирала под нею стол. Пришлось поднять весь город за два угла. С одного края бумага провисла, и нарисованная булочная сложилась пополам.

— Вот для чего большой стол нужен, — сказал он.

— Для ужина, — ответила мать.

— А после ужина.

Она усмехнулась и поставила миски на полку. Теперь Сенька мог положить лист ровно. Он достал короткий карандаш, подул на кончик, будто от этого тот станет тоньше, и принялся обозначать окна.

Окна получались одинаковые, а квартиры — нет. В одних из окна видели ворота, в других только крышу сарая. Если бы Вельский стоял у своего стекла, он видел бы Сеньку целиком. Если Сенька стоит возле трубы, то видит... Он остановился и закрасил последний прямоугольник темнее остальных.

— Чернил жалко, — заметила мать.

— Это карандаш.

— Тогда карандаша.

Она села рядом со своей работой. Ей нужно было сметать длинный край, и Сенька придерживал ткань, чтобы та не сползала на пол. Линия шва уходила из комнаты будто ещё одна дорога. Когда мать потянула ткань, ему пришлось встать и переступить к другому краю стола.

— У Орловой стол меньше нашего, — сказал он. — А всё помещается.

— Ты видел только сверху.

— Под ним кошка.

— Значит, и под ним занято.

Сенька засмеялся, вспомнив чёрное пальто на стуле. На секунду белый воротник из окна отступил. Был просто сюртук на стойке, кошка у печки и хозяйка, которая забыла, что куда положила. Потом в голове снова появился тёмный прямоугольник восьмой, и смех кончился.

Он хотел спросить мать, бывают ли покойники в своём прежнем доме. Но такой вопрос сразу сделал бы увиденное страшнее, а отец наверняка велел бы перестать выдумывать. Сенька спросил другое:

— Николай Петрович далеко ходил?

— Когда? — ответил Егор.

— Раньше.

Отец подумал.

— Как все. По делам. К доктору под конец ездил. Зимой больше дома сидел.

— А по лестнице как ходил?

— Ногами, Сеня.

Марья подняла глаза. Егор перестал улыбаться и посмотрел на сына внимательнее.

— Ты его шаги не узнаешь. Я сам по шагам не всегда разберу, кто идёт. Половицы под всеми одинаковые.

Сенька кивнул, но уверенности не прибавилось. Шаги могли быть чьи угодно. Воротник он видел сам.

Он вернулся к карте. Возле ворот нарисовал отца — маленького, с лопатой, хотя лопата была нужна не каждый день. Возле дворницкой хотел нарисовать мать, но она не стояла целый день у дверей. Сенька изобразил ножницы над окошком. Получилось, что они висели снаружи.

— Это вывеска? — спросила мать.

— Где ты работаешь.

— Тогда нарисуй внутри. А то прохожий подумает, я на голову ему уроню.

Он стёр ножницы. От ластика по карте пошли тёмные крошки. Чтобы смахнуть их, пришлось поднять лист и снова согнуть булочную.

Отец придержал угол. Сенька заметил, что на отцовском большом пальце засела чёрная полоса, которую вода не смыла. Ещё утром этим пальцем Егор прижимал доску у ворот; завтра должен был принимать уголь. Всё, что отец делал на самом деле, в маленького человека с лопатой не помещалось.

Но ворота можно было нарисовать правильно. И дорогу от них — тоже.

Сенька расправил лист и протянул отцу карандаш.

— Покажи, где я ошибся.

Отец наклонился к листу.

— Эту калитку обычно запертой держим. Под поклажу откроем — и назад.

Сенька поставил у калитки крестик. Потом провёл линию к водосточной трубе и отметил восьмую.

Тёмные плечи рисовать не стал. Получились бы какие-нибудь смешные, а он их видел совсем не смешными.

— Надя завтра сверху смотреть хочет, — сказал он.

— С её лестницы другой корпус заслоняет, — ответил отец, уже снимая со стола лампу.

Сенька улыбнулся. Завтра Наде придётся спросить у него дорогу.

Ночью он долго лежал с открытыми глазами. За перегородкой мать ещё шила; светлая полоска под дверью то закрывалась, то появлялась снова.

Сенька пытался вспомнить, как выглядело лицо Вельского.

Вспоминались перчатки. Сухие пальцы. Белый воротник.

Лицо не вспоминалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.